

Андрей Лазарчук

СПИРАЛЬ

Москва
RUGRAM
2022

УДК 821.161.1
ББК 82(2Рос-Рус)6
Λ17

Лазарчук А.

Λ17 Спираль: [роман] / Андрей Лазарчук. — М. : «Т8 Издательские Технологии» / RUGRAM 2022. — 320 с.

ISBN 978-5-521-73909-7

Андрей Лазарчук — живой классик русской фантастики, ученик братьев Стругацких и создатель собственной литературной школы, лауреат всех основных премий в своем жанре. Однако сам писатель полагает, что его произведения не являются фантастикой как таковой. Определяя собственный художественный метод, он называет его «турбореализмом».

Юра Шихметов — не сталкер и вообще не типичный обитатель «призонья». Он служит в некоей военизированной организации, которую правительство предполагает использовать для наведения в Зоне элементарного порядка. Пока что идут интенсивные тренировки... Но однажды таинственно исчезает его любимая девушка, — а очень скоро, во время одной из рутинных облав, ее находят — полностью лишенную разума, утратившую свою личность.

УДК 821.161.1
ББК 82(2Рос-Рус)6

© Лазарчук А. Г. 2021
© Оформление.
АО «Т8 Издательские
технологии», 2022

ISBN 978-5-521-73909-7

1

Старлею Юре Шихметову не только не дали капитана, но и изгнали из рядов настолько грубо и обидно, что сравнить это можно было только с внезапным изнасилованием в подворотне. Капитану положена была бы хоть маленькая, но своя квартирка в Железноводске, где базировались тылы бригады, а так — быстро сушите кальсоны, товарищ старлей, и в три дня освобождайте комнатку в офицерском общежитии, вам туда больше не надо. Вот ваши гражданские документы, вот немножко денег, и решительно ни в чём себе не отказывайте...

Юра долго и мучительно пытался понять, что произошло, но ни до чего определённого не додумался. Картина не складывалась, а главное — жгучая обида мешала сосредоточиться, подходить ко всему с холодным умом. Он взял билет в плацкартный вагон и купил новые белые штаны с карманами на бёдрах. Продолжая по инерции думать о произошедшем, он забрался на полку и стал смотреть в окно. Смешно и думать, что кто-то из генеральских сынков польстился на хлебное место командира разведвзвода. Единственное, что могло послужить причиной...

— ...повесились у нас два пидорка. Синцзю, красивый японский обычай — двойное самоубийство вклю-

блённых. Вернее, повесился один, второй в петлю залез, а спрыгнуть зассал, и выбраться из петли не смог — руки они себе стяжками для кабелей связали, понимаешь, чтобы уж обратного пути не было; ха! так он и стоял на табуреточке часов восемь, пока старшина не заглянул в бойлерную. Надо было по-доброму табуреточку-то убрать, а старшина недальновидный оказался, вынул гада из петли. Ну и потом дело хитро повернули, что это он их, бедненьких, до самоубийства довёл — адвокаты набежали, матери солдатские, журналоги, пидорозащитники; хорошо, объект режимный, а то из Европарламента штук восемь страшных тёток в ворота ломились, мы уж просто заперлись изнутри и вениками накрылись. Я смелости набрался и на тёток этих с вышки в бинокль метров со ста посмотрел... бррр!.. это, скажу я вам, братцы, штука по сильнее, чем красота. Они, оказывается, идейные были, пидоры-то, люди всей просвещённой Европе известные, видные блогхеры... Случилось это как раз три месяца назад. То есть я и решил, наивный, что прокуроры разобрались, меня и на допросы перестали тягать... А, в общем, не знаю. Что это мы пьём?..

Юра любил ездить плацкартными вагонами, особенно летом. В них можно было открывать окна, люди часто менялись, и вообще публика была проще и идейно ближе. У него с детства была особенность: он постоянно ощущал себя немного отдельно от людей, будто между ним и другими постоянно висела прозрачная, неосязаемая, но прочная плёночка. Время от времени он пытался разорвать её.

Иногда она разрывалась, но чаще — нет.

— Это мы пьём хороший очищенный домашний самогон, настоящий на виноградных шкурках, — сказал сосед по полке.

— Горит?

— Ещё как. Так вот, брат, могу тебе сказать, что история твоя интересна со всех сторон. Прежде всего как демонстрация умения смотреть и не видеть.

— То есть? — не понял Юра.

— То есть я примерно понял, что у вас там произошло и почему тебя так вот по пицунде мешалкой отправили подальше. В подробностях я, конечно, рассказать не смогу, не был и, кроме тебя, ни с кем больше не беседовал, но одно могу гарантировать: ты про это дело что-то *настоящее* знаешь, но при этом сам даже не чувствуешь, что оно в тебе сидит, это знание. А командиры твои сообразили — ну и...

— Постой-постой. Как это может быть?

— Как тебе объяснить... ты кусочки картины все имеешь, только сложил их неправильно. Мозаики эти, как их... козы, позы...

— Паззлы?

— Во-во. Сложил не так, как надо, а так, как подсказали. И всё сошлось, и лишних нет, а что картинка дурацкая — так и жизнь у нас такая. Или ещё смешнее — был случай: мужик сфотографировал своих приятелей на шашлыках, а на заднем плане на фотокарточке его жена трахалась с каким-то другом семьи; так вот карточка пролежала у него в альбоме четыре года, прежде чем это увидели. Смешно, да? Ещё налить?

— Два глотка, не больше — а то жарко... Слушай, а ты откуда знаешь, что... ну... это...

— А я бывший следак. Причём хороший. Такие вот простенькие дела раскалывал как нечего делать. Потому и бывший теперь...

— Может, тогда и это расколешь? Мучает меня оно...

— Извини, не хочу. Надоедает в конце концов в говне рыться — даже за деньги. И — хочешь совет?

— Ну?

— Забей. Даже если ты и выстроишь верную картинку, ты всё равно ни проверить не сможешь, ни сделать что-то. Поэтому не жги напрасно мозг, он тебе на гражданке ой как пригодится. Ты сам откуда? Москвич?

— Нет, из Дмитрова.

— О, почти соседи. Я из Дубны. Серёгой меня зовут. Чем заниматься будешь, уже знаешь?

— Пока нет. Разберусь на месте.

— Если долго провисать будет, звони. Экспедиторы нам постоянно бывают нужны. Работа разъездная, но не слишком пыльная. Контора не богатая, но и не бедная... в общем, перебиться какое-то время можно. А там что-нибудь получше подыщешь, если не понравится. Может, и не захочешь подыскивать.

— Экспедитором... ну, почему нет. А ты там кто, в этой конторе?

— Разгребаю завалы, в основном. И так, по мелочи. Пиши телефон...

— Щас, записульку достану... А что экспедировать-то?

— Жратву в основном. Консервы, пиво... в общем, всякое такое. Стиральный порошок ещё... Минимум романтики.

— Мне этой романтики, якорный бабай...

Юру уже несколько лет поражал очевидный для всех факт: можно сесть в плацкартный вагон и за полтора суток уехать из войны в Москву, где все заняты

только собой, и всякие там разведзводы никому на хрен не нужны. А потом снова сесть в тот же вагон и вернуться на войну. Но теперь уже, наверное, обратной дороги ему не будет.

Поздно вечером поезд остановился в голой степи и какое-то время стоял безмолвно, а потом объявили, что впереди серьёзная авария и стоять придётся не меньше шести часов. Юра ушёл далеко в степь. Пахло прогретой землёй, дымком и почему-то сушёной вишней. Над горизонтом полыхала исполинская луна — раз в десять больше московской.

Кто-то пел у костра, кто-то даже плясал.

Простояли меньше шести: тепловоз загудел, собирая разбредшихся. Юра даже с сожалением забрался в вагон, лёг и скоро уснул. Серёга из Дубны давно похрапывал под простынёй.

Когда Юра проснулся, Серёги почему-то не оказалось на месте. Ну, не оказалось, и ладно. Человек в командировке...

В Москве у Юры было дело, которого нельзя избежать. Улица Покрышкина находилась далеко на окраине, и он ещё поблуждал в поисках нужного дома. Конечно, родителям Витьки всё сообщили давным-давно, ещё весной, но он привёз, как и обещал, кой-какие Витькины вещи и, главное, папку с рисунками. Подробности рассказывать не стал — соврал, что сидел в другой машине. Его хотели оставить ночевать, но он сумел отговориться: мол, мать ждёт.

Успел на последнюю электричку.

Про мать он тоже соврал, но оказалось, что не соврал: действительно, ждала. Вообще-то она жила со своим третьим мужем в Брянске, он был большой

шишкой на строительстве новой общей русско-белорусско-украинско-казахстанской столицы. Про приезд Юры она узнала случайно, позвонив в часть и попав на Володина, он-то всё и рассказал.

Проговорили до утра.

Ехать в Брянск Юра всё-таки отказался, хотя Брянск сейчас кипел и блистал, и устроиться там на хорошую перспективную работу можно было куда легче, чем здесь. Мать уехала назавтра вечером, она теперь тоже была очень занятой человек и ездила на БМВ с личным водителем.

Квартира — хорошая, трёхкомнатная, почти в центре — пребывала в захламлении и запустении. Теперь Юра был тут полным хозяином. Он стаскал ненужную мебель в меньшую из комнат, запер её, стал жить на освободившемся пространстве. Денег по расчётам должно было хватить на два месяца, если не шиковать. Не слишком охотно он обзвонил немногочисленных прежних друзей и подруг, с кем-то посидел за пивом, с кем-то повалялся в койке. Это было скучно. Его ещё в школе звали Замороженным, тогда он обижался и пытался как-то с этим бороться; теперь понял: против природы не попрёшь. Ну, замороженный. Зато похож на молодого Мэтта Деймона. Тот тоже замороженный. И ничего — звезда.

В общем, девицы появлялись и исчезали сами, он ничего не предпринимал ни для того, ни для другого.

Потом он устроился охранником в «Базис». Его немного повеселила процедура получения лицензии: за двадцать минут всё: и медкомиссия, и нарколог, и психолог, и психиатр, и экзамен. Теперь он получил право иметь при себе на службе гражданский (то есть с ослабленным патроном) пистолет и в острой ситуации мучительно размышлять, применять его или

остережься; неизвестно, что страшнее: дадут тебе по голове и свяжут, — или ты всё сделаешь по инструкции и потом долго и тупо будешь объясняться со следователями и судьями — с почти однозначно плохим для себя результатом. Вместо пистолета он купил боевой фонарь-дубинку на девятьсот люменов. Впрочем, и его ни разу не пришлось использовать — до последнего дня.

Через четыре месяца снова приезжала мать, снова уговаривала перебраться в Брянск — Юра не поддался на эти уговоры, но в качестве компенсации просто вынужден был взять деньги. Не очень толстую, сантиметров пять, но всё-таки пачку.

За шесть миллиметров он нанял бригаду, и ему сделали простенький добротный ремонт квартиры, а за тридцать пять миллиметров купил слегка подержанный «ТГНБ» — КамАЗовский внедорожник. Машина оказалась вполне пристойной и даже не слишком прожорливой, а главное, полностью оправдывала своё название и грязи действительно не боялась; и поздней осенью, и следующей весной он с двумя новыми приятелями из «Базиса» несколько раз ездил на охоту-рыбалку и во всём убедился сам.

«Базис» был конторой достаточно большой, но не амбициозной: брал под охрану два-три, иногда четыре десятка самых разных, однако не слишком важных объектов — в диапазоне от овощебаз до вилл. Юру обычно ставили на офис страховой компании или на гостевой домик нефтяников. В последнем случае работа была не столько охранницкая, сколько по хозяйству: наколоть и натащить дров для сауны, проследить, чтобы никто не утоп в бассейне, помочь перебравшим гостям не промахнуться мимо своих коек — ну и так далее. Если же гостей не было, Юра со старым садовни-

ком Юсуфом часами гоняли шары на бильярде. Когда-то Юсуф работал маркёром в Алуште, глаз и рука его были уже не те, но навыки оставались, и эти навыки Юра жадно перенимал.

Складывать пазл он так и не перестал, однако теперь это протекало где-то в глубинах мозга само собой, — иногда, правда, активизируясь ночами. Был случай, когда Юре показалось, что он всё понял, все фрагменты сошлись и никакие концы не торчат, он вскочил, не зная, что делать, а потом даже набрал номер Серёги из Дубны, но после первого гудка устыдился — глубокая ночь, блин! — и положил трубку. С чувством исполненной повинности он лёг, провалился в глубокий и горячечный сон — и увы, наутро не помнил ничего из своих построений...

В общем, всё так и текло — размеренно и неторопливо, — пока не появилась Алёна.

2.

Весна была долгая, холодная и противная, и даже первая половина июня выдалась так себе — пасмурно, дожди хоть не затяжные, но каждый день. Лето началось только после пятнадцатого. И тут Митрофаныч, один из двух директоров «Базиса», у которого именно в эти дни младшая сестрёнка выходила замуж, — решил устроить пикничок для своих: то есть и сотрудников, и клиентов, и просто друзей. Всего желающих набралось человек шестьдесят-семьдесят — непьющие на своих колёсах, для остальных был предусмотрен длинный вместительный жёлтый автобус. Кавалькада получилась впечатляющая: впереди лимузин, за ним десяток легковушек, за ними автобус, а за ним грузовичок